

СВЯЩЕННИК
РОМАН САВЧУК

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ

НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2022

УДК 244
ББК 86 372
С126

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС P22-206-0148

Савчук Р., свящ.

С126 Святой равноапостольный Николай Японский : Жизнь и труды. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. — 304 с. : ил.

Настоящая книга посвящена равноапостольному Николаю Японскому — святому, делом всей жизни которого была проповедь Евангелия в Стране восходящего солнца. Опираясь на обширный литературный материал, автор подробно описывает житие и подвиги святого: рассказывает о рождении Японской Церкви, о переводческой деятельности равноапостольного Николая, о его школах и о многом другом. В Приложении помещены выдержки из дневников святого.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2022
© Савчук Р., свящ., текст, 2022

ISBN 978-5-88017-954-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть личности, масштаб и широту деятельности которых трудно соотнести с одним человеком. Их жизнь, словно многогранный алмаз, то и дело отсвечивает яркими вспышками разных граней таланта. Нет сомнения, что в чреде этих великих творцов человеческой истории вписывается и святой равноапостольный архиепископ Токийский и Японский Николай (Касаткин) (1836–1912). Подвижник веры, замечательный пастырь, миссионер, дипломат, педагог-просветитель, ученый-филолог, историк, социолог, этнограф — все это те грани таланта владыки Николая, которые принесли обильные плоды как при его жизни, так и после его кончины. Увенчанный всеобщим признанием и уважением у себя на родине, в России, святой стал живой легендой, примером для подражания и глубоко уважаемым человеком в загадочной и далеко не для всех открывающей свои объятия Японии. Начав миссию в Стране восходящего солнца при смертельной опасности, он завершил ее при одобрении с высоты Трона: во время прощания с владыкой император Мэйдзи — впервые в японской истории — лично прислал великолепный венок из живых цветов на гроб почившего иностранного миссионера...

О равноапостольном Николае писали прежде всего как о подвижнике веры, святом. Мы же не будем предвосхищать события, изначально приписывая его образу те черты, которые он приобрел лишь в вечности, и попытаемся посмотреть на него как на человека, который прошел весьма сложный жизненный путь, исполненный многих трудов,

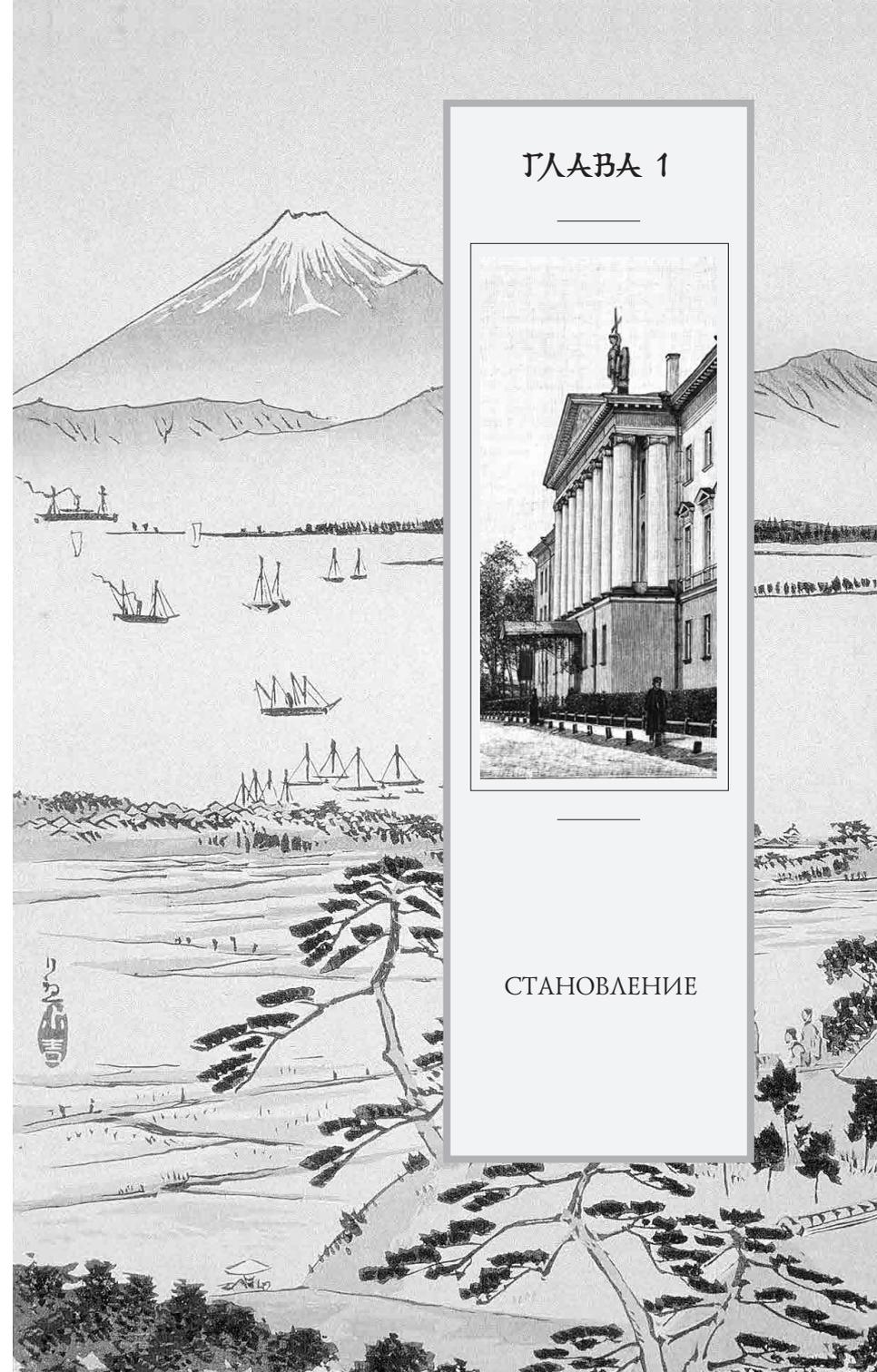
испытаний и соблазнов, как внутренних, так и внешних. Естественно, в этом образе есть место и высокому вдохновению, безудержному стремлению к идеалу. Как вспоминал сам святой, отправляясь навстречу таинственной Японии, он по-юношески представлял ее в образе невесты, которая ожидает своего Жениха — Христа. Много действительно возвышенного, неотмирного есть и в самом образе миссионера, покинувшего родину для проповеди Евангелия на чужбине. И как бы ни омрачали эту идею сомнения, ошибки, немощи, как и всякому человеку, присущие архиепископу Николаю, высокая цель все равно живой струей небесной чистоты наполняет его жизнь и служение. Есть в судьбе миссионера и действительно трагические страницы, связанные с непростым периодом Русско-японской войны 1904—1905 годов, когда ему, оставшемуся ради пастырского долга в Японии, приходилось ежедневно преодолевать мучительные душевные страдания за горячо любимую родину. Невзирая на все сложности, владыка до конца своих дней стремился быть верным своему призванию и не сошел с этой трудной дороги.

Равноапостольный Николай, как отметил сегодняшний предстоятель Японской Православной Церкви митрополит Даниил, «оставил действительно удивительные дары духа в Японии; этот дух и ныне жив в Японской Церкви и в японском обществе». Практически в одиночку, за исключением нескольких сменявших друг друга помощников из России, святой сумел основать живую Церковь в совершенно чуждой исторической и ментальной среде. Ему удалось для глубоко уважающих и любящих свою родину японцев раскрыть православную веру как силу, отнюдь не противоречащую их национальной и культурной идентичности. Это был действительно удивительный подвиг веры, мира и любви, достойный уважения, памяти и подражания.

ГЛАВА 1

СТАНОВЛЕНИЕ

ДЕТСТВО И НАЧАЛО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Будущий апостол Японии, архиепископ Токийский и Японский Николай (Касаткин) родился в селе Берёза (Егорьевна-Берёзе), Бельского уезда Смоленской губернии (ныне деревня Берёза Mostовского сельского округа Оленинского района Тверской области). Село это тогда располагалось в глухих лесах в соседстве с местностью, известной под именем «Бельская Сибирь». Название «Бельская» происходило от города Белый, который находился в 70 верстах «по летнему тракту» и в 45 верстах «по зимнему» от родного села будущего святителя. В миру архиепископа Николая звали Иван Дмитриевич Касаткин.

Отец будущего миссионера, Дмитрий Иванович Касаткин, был сельским диаконом. Как указывал один из современников, лично знавший отца Дмитрия, «росту отец диакон был среднего; не тучен, но крепок телосложением, посему и в старости отличался подвижностью; морозов не боялся и теплых сапог не носил». Супругу отца диакона звали Ксения Алексеевна. Она родилась 24 января 1806 года и была дочерью диакона Алексея Савинского, служившего в том же селе Берёза. Бракосочетание Дмитрия Ивановича с Ксенией Алексеевной состоялось 15 февраля 1829 года. Согласно тогдашней традиции Дмитрий Иванович, взяв в замужество дочь местного диакона, поступил на «сдаточное место» диакона в храм села Берёза. У родителей архиепископа Николая было четверо детей: первый сын — Гавриил — родился в марте 1832 года, однако в том же году

умер. Вторым ребенком в семье Касаткиных была дочь Ольга, родившаяся 6 июля 1833 года. Третьим сыном у супругов как раз и был Иван, родившийся 1 (13 н. ст.) августа 1836 года. Последним 16 марта 1840 года родился сын Василий.

Однако уже в 1841 году, 11 октября, в возрасте 35 лет скончалась мать архиепископа Николая Ксения Алексеевна. Она прожила в браке 12 лет и оставила на руках у супруга — диакона Дмитрия Касаткина — троих детей. В «памятной книжке» сохранилась следующая запись отца диакона о своей жене: «Была из женского пола самого большого роста, волосы имела темно-русые, лицо белое, нос умеренный, большой лоб, несколько нависший на глаза. Скромна и набожна».

На момент смерти матери старшей дочери супругов Ольге было 8 лет, Ивану было 5 лет, а Василию — меньше года. Теперь все заботы по воспитанию детей легли на молодого вдовца, который и воспитал их соответственно своему званию и своим средствам: дочь воспитывалась дома, а сыновья по достижении школьного возраста определены были в духовное училище. На тот момент, когда будущий святитель достиг школьного возраста, в Бельском уезде не было своего училища. Местное духовенство вынуждено было отправлять своих детей в Смоленск, Вязьму, Ржев (Тверская губ.) или Торопец (Псковская губ.). В одном из этих училищ и начинал свое духовное образование будущий апостол Японии. Однако в 1849 году, когда в городе Белый было открыто духовное училище, он был переведен сюда.

Как свидетельствовали современники, будущий святитель «с самого раннего детства отличался прекрасными умственными способностями». «Характера он был сангвинического. Подвижный, всегда жизнерадостный, умный ребенок производил на окружающих отрадное впечатление». Будучи сыном диакона, Иван помогал отцу во время богослужений и хорошо знал церковный устав. Японские исследователи жизни архиепископа Николая отмечали, что в детские годы он мечтал стать военным, с чем не

соглашался его отец. Однако позже и сам Иван Дмитриевич отказался от этой мечты и решил посвятить себя служению Богу и Его Церкви.

Много горьких и тяжелых испытаний пришлось выдержать будущему святителю с самого раннего детства. Ужасная бедность и нищета окружали жизнь простого духовенства в первой половине XIX века. Не вселяли особой радости и жизненные обстоятельства семьи Касаткиных. Старшая сестра Ивана, достигнув совершеннолетия, вышла замуж за Филиппа Измайлова, который стал диаконом в селе Берёза. Отец же будущего святителя, диакон Дмитрий Касаткин, в 1850 году поступил в Рославльский монастырь Смоленской губернии, чтобы освободить место своему зятю. Однако супруг Ольги прожил в браке с ней всего несколько лет и умер, оставив жену с единственной дочерью, Анной. В связи с этим отец в 1855 году вышел из монастыря и опять занял свое место в селе Берёза, чтобы дать возможность сыновьям продолжить обучение.

Учеба детей бедного сельского духовенства в то время также представляла немало поводов для печали. Как писал один из современников владыки, «не будем упоминать о том, как семинаристам приходилось жить в школе и в холоде и голоде. Бурса того времени достаточно известна всем».

Тем не менее сложные жизненные обстоятельства, раннее знакомство со скорбями и лишениями только закаляли душу Ивана Касаткина, выработав в нем ту удивительную силу воли, которая была отличительной особенностью его характера на протяжении всей жизни. Условия, в которых протекало детство и юность архиепископа Николая, безусловно, повлияли и на формирование его живой веры в Бога и преданности Церкви. По искренности веры и силе убеждений святитель всегда оставался близким к простому народу, из которого он, собственно, и происходил.

После окончания Бельского духовного училища Иван Дмитриевич Касаткин поступил в Смоленскую духовную

семинарию. Публицист С. Недачин, который лично из уст святого слышал некоторые подробности его жизни, писал, что при отсутствии железнодорожного сообщения с губернским городом юноша должен был добираться в семинарию «по ужасным бельским трупобам». При этом наиболее бедным семинаристам, которые не могли позволить себе поездку на лошадях и к которым принадлежал будущий святитель, приходилось идти пешком. А расстояние от дома до семинарии было немалым — более ста пятидесяти верст.

Невзирая на все сложности, способный и энергичный Иван Касаткин хорошо учился в семинарии. Интересно, что среди всех предметов из общего курса семинарских наук минимальные баллы у будущего переводчика православного богослужения на японский язык были именно по древним языкам. Впрочем, если говорить в целом, то архиепископ Николай достаточно успешно окончил семинарию, и ему вместе с двумя другими выпускниками, «как лучшим между своими сверстниками по успехам в науках и благонадежным по поведению», была предоставлена возможность поступить в Санкт-Петербургскую духовную академию на казенный счет.

К слову сказать, владыка Николай всегда оставался благодарен как родному духовному училищу, так и семинарии и питал к ним самые теплые чувства. Так, в 1909 году, когда архиепископ получил известие из города Белый, что он избран «почетным членом Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Бельского духовного училища Смоленской губернии», он сразу же отозвался на нужды воспитанников учебного заведения, в котором сам когда-то учился. Смоленск владыка называл «родным городом» и всегда чтил день памяти преподобного Авраамия Смоленского, в монастыре которого помещалась семинария, где учился будущий просветитель Японии.

УЧЕБА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Иван Дмитриевич Касаткин поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (СПбДА) в 1857 году. Система четырехгодичного обучения в духовной академии в то время имела свои особенности. Полный академический курс составлял четыре года. При этом он делился не на четыре курса, а на два отделения: низшее (философское) и высшее (богословское). Обучение в каждом отделении продолжалось два года. Студент Иван Касаткин учился в составе XXIV курса и должен был окончить академию в 1861 году.

Середина XIX века, когда будущий святой соприкоснулся с жизнью столичного города, была временем, в которое преобразования и реформы императора Александра II пробудили общественную жизнь. Требование свободы, желание перемен не могли не проникнуть и в церковную среду. Как отмечает один из современных исследователей, «в это время в духовенстве пробуждается живая мысль, в первую очередь касающаяся обобщающей постановки проблем, постепенно вырисовываются пути их разрешения». Внешние изменения в жизни государства и общества, безусловно, оказывали влияние и на внутренний ритм академической жизни.

В этом смысле, по мнению японского исследователя Кэнноске Накамура, миссионерский порыв равноапостольного Николая был отражением «идеалистического энтузиазма» эпохи Великих реформ Александра II. Будущий святитель и его друзья по академической скамье были «шестидесятниками», «современниками эпохи, примечательной расцветом идеализма и реформаторскими настроениями». Молодые академисты были близко знакомы со взглядами диссидентствующего интеллигента Николая Александровича Добролюбова (1836–1861) и, как считает японский ученый, «несомненно, разделяли идеализм, критическое

отношение к современной ситуации, надежды на возрождение России». Сам архиепископ Николай впоследствии так рассказывал о настроениях, которые были среди студенчества во время его учебы: «Наше время было живое: тогда в жизни зарождались разные направления; тогда поднимались разные литературные толки о том, как жизнь сделать лучше. И мы весьма увлекались всем этим и горячо обсуждали разные течения общественной мысли. Но все было на религиозной и церковной почве. Помню, я с наслаждением и любопытством засматривался и слушал, как мои младшие студенты читали разных Шопенгауэров и других философов и нефилософов-отрицателей и при этом тщательно разбивали их. У нас были живые интересы к общественной жизни и не было или мало было отрицания».

Отличительной чертой развития СПбДА в этот период являлось особое внимание к миссионерскому направлению. Студенты и выпускники академии получили возможность отправляться в составе духовных миссий в Китай, Константинополь, Афины, Иерусалим и в другие города и страны. В посольские церкви в Европу и в иные части света отправляли преимущественно выпускников СПбДА.

Святитель Феофан,
Заторник Вышенский

Епископ Нижегородский и Арзамасский Нектарий (Надеждин)

Студенты Санкт-Петербургской духовной академии на досуге.
Фото А. П. Поспелова. Конец XIX — начало XX в.

Что касается внутреннего уклада академической жизни, то в ректорство архимандрита Феофана (будущего Затворника Вышенского) и пресвященного Нектария, когда учился Иван Касаткин, студенты смогли свободно вздохнуть после жесткого управления архимандрита (впоследствии епископа) Макария (Булгакова). Хотя следует отметить, что владыка Макарий сделал много положительного для налаживания отношений между руководством духовной школы и воспитанниками. Важнейшим достоинством его инспекции были прямой и вполне откровенный образ действий, отсутствие всякого желания узнать что-либо о студентах вне общих способов инспекторского наблюдения, а также отсутствие всяких попыток поразить неожиданностью или застичь врасплох.

Студенческий день начинался общей молитвой в академической церкви в 6:30. Утром и вечером подавался студентам чай с белым хлебом. В 9:00 начинались уроки, каждый длился 1 час 15 минут. Они продолжались до 13:30. Дальше был обед. С 15:00 до 16:00 был еще один урок; после него чай, а время с 18:00 до 21:00 назначалось исключительно для учебных занятий. Во время занятий

довольно часто студентов посещали ректор и инспектор. В 21:00 был ужин. После ужина комнатные старшие являлись к инспектору с рапортом и за получением распоряжений (Иван Касаткин был одним из таких комнатных старших). День заканчивался общей молитвой в церкви. Во время молитвы, и в столовой за обедом и ужином, обязательно присутствовал помощник инспектора. Комнаты для занятий запирались в 23:00. Занятия в спальнях не разрешались и не были в обычае. Студенты, которые не успевали подготовиться к урокам в вечернее время, предпочитали встать утром раньше положенного времени (раньше 6:00). Отпуска из академии в учебное время дозволялись только два раза в неделю — по четвергам и воскресеньям, в праздничные дни — после обеда до ужина. Такой распорядок дня и уклад академической жизни, судя по свидетельствам современников, послужили образцом для устройства быта учебных заведений, которые владыка Николай основал в Японии.

В академии будущий святитель был в числе лучших студентов. В разрядном списке за первый год обучения Иван Касаткин числился десятым из более чем пятидесяти учащихся. Правда, не по всем предметам у будущего святого были хорошие оценки. Скажем, по психологии и по математике у него встречается относительно низкий балл — 7 по десятибалльной системе. Впрочем, на втором и третьем году обучения средний балл студента Касаткина значительно повысился. Интересно, что только по миссионерскому отделению, которое тогда считалось необязательным, у будущего просветителя Японии оценка отсутствовала. Больше же всего Иван Касаткин преуспевал в изучении исторических дисциплин.

Одним из наиболее ярких преподавателей церковной истории во времена учебы Ивана Касаткина был Иван Васильевич Чельцов. Он обогащал студентов прежде всего знанием исторических форм выражения веры, причем делал это как живописец — образно и ярко рисуя реалии

*Академисты в минуты отдыха.
Фото А. П. Поспелова. СПбДА. Конец XIX — начало XX в.*

прошлого. Его сила была в красках, в колорите, во внимании к деталям. Слушатели И. В. Чельцова высоко ценили его лекции. Как писал Павел Федорович Николаевский, «лекции его всегда выслушивались с серьезным вниманием, с любовью, нас удивляла обширная эрудиция профессора, основанная на самостоятельном, непосредственном изучении древней святоотеческой литературы». В предисловии к изданию своих лекций по истории Церкви И. В. Чельцов отмечал: «Нет лучшего средства для искоренения религиозных предрассудков, в немалой степени распространенных у нас, и для возбуждения самой живой и непоколебимой привязанности к нашей Святой Церкви, как беспрепятственное распространение строго критических и научных исследований по общей церковной истории».

Безусловно, это обогащало христианское мировоззрение студентов. Они знакомились с историческими формами и опытом выражения веры в разных историко-культурных условиях. Это, в свою очередь, давало возможность сделать проповедь более живой, вариативной, лучше приспособленной к встрече с разным преломлением христианской

нравственности в тех или иных исторических условиях. При этом миссионер был способен различать внешнюю форму выражения веры и ее сущность, допуская вариативность формы и оставаясь непреклонным относительно сущности.

На достаточно высоком уровне было в академии преподавание философии. В 1829 году кафедру философии в СПбДА занял Федор Федорович Сидонский. В 1833 году он издал оригинальное исследование «Введение в науку философии», в котором пытался «объяснить всю важность философии, обнадеежить в благонамеренности ее при ее истинной и должной постановке». Новые научные данные и бурное развитие философской мысли в первой половине XIX века благотворно подействовали на историю философии, оживили ее преподавание и сделали из механического подбора сведений о жизни и сочинениях философов живую науку, органическое целое. Главная цель преподавания философии определялась как «дознание слабости и бессилия человеческого разума открыть истину собственными средствами, без высшего света Откровения». Отображение подобных взглядов на философию и на ее место в жизни человека находим и в наследии равноапостольного Николая. Так, в одной из дневниковых записей владыка отмечал: «Прочитал “Афоризмы” и “Максимы” Шопенгауэра. Отчасти годен сей пессимист-философ для пояснения истины, что “мир во зле лежит” и что все люди от рождения заражены грехом».

Словесность в годы обучения равноапостольного Николая читал красноречивый профессор Кирилл Иванович Лучицкий. В лекциях по эстетике он увлеченно рассказывал студентам, что «прекрасное не находится в зависимости от форм... что оно тесно связано с проявлениями жизни, с ее напряженностью, что где нет жизни, там не может быть и прекрасного».

Трудно сказать, насколько эти взгляды профессора Лучицкого имели влияние на будущего просветителя Японии, однако многие его современники отмечали, что владыка был «в высшей степени живым, общительным

и разговорчивым». О необычайной живости его самого и произносимых им речей свидетельствовали и ученики святого. А близкие академические друзья владыки Николай протоиереи Федор Быстров и Иван Демкин утверждали, что в студенческие годы будущий святой «всегда оставался самым веселым и самым беззаботным вдохновителем посещения танцевальных вечеров и театров, организатором визитов по частным пирушкам». «Все видели и все знали резвого студента, но никто никогда не мог допустить и мысли, что перед ними не простой и заурядный юноша, а великий и замечательный деятель Церкви».

ПРИЗВАНИЕ НА МИССИОНЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Для человека, который знаком с Православием лишь внешне и привык воспринимать святых как людей, совершенно чуждых всего человеческого, история призвания молодого Ивана Касаткина к апостольскому служению, очевидно, откроет много нового. Нового в смысле понимания сущности взаимоотношений божественного и человеческого, неотмирного и обыденного в жизни и характере тех, кого со временем Церковь признала святыми.

О событии, положившем начало миссии святого, мы знаем как от самого архиепископа Николая, так и из воспоминаний его академических друзей. Правда, свидетельства эти несколько разнятся в описании последовательности происходившего и в некоторых деталях. Попробуем восстановить ход событий, которые навсегда изменили жизнь Ивана Дмитриевича Касаткина и положили начало просвещению Японии светом Православной веры.

Окончательное решение посвятить себя миссионерскому служению в Стране восходящего солнца будущий просветитель Японии принял в 1860 году. Как мы уже говорили, система обучения в Санкт-Петербургской духовной академии середины XIX века предполагала две ступени

образования: низшую (философскую) и высшую (богословскую). На каждом курсе студенты учились два года. Таким образом, в 1860 году Иван Касаткин был на втором (богословском) курсе. Однако это был не выпускной год, для окончания полного курса академии он должен был закончить четвертый год обучения.

Позднее владыка вспоминал, что мысль о миссионерском служении в восточных странах впервые посетила его еще в семинарии. На четвертом курсе духовной школы Ивана Касаткина поразил рассказ профессора Ивана Федоровича Соловьева о том, что его товарищ, отец Исаия, отправляется священником при русском консульстве в Пекин. Из дневников равноапостольного Николая мы узнаём, что уже тогда живой и пылкий ум будущего святого заинтересовался далекими восточными странами, а в сердце зародилось стремление поехать туда на проповедь Евангелия. Однако вскоре будничная семинарская жизнь заглушила эти мысли.

Поворотный момент в выборе дальнейшего служения пришелся уже на время учебы в академии. У нас есть два варианта развития тех событий, которые в конечном итоге подвигли будущего просветителя Японии на решительный шаг к своему призванию. Первый вариант встречается в дневниках самого архиепископа Николая. 3 ноября 1907 года владыка сделал следующую запись: «В 11 часов вечера. Только что вернулся из Семинарии <...> Попросили и меня сказать что-нибудь; взял темой: “Воля Божия, о которой ежедневно молимся в ‘Отче наш’, нас и направляет, если мы не противимся ей” — и рассказал, как именно твердо признаю, при всем недостатке своем, что воля Божия послала меня в Японию: в Семинарии рассказ Ивана Федоровича Соловьева, профессора, о Китае и отправлении туда в Миссию его товарища по Академии отца Исаии Полкина, возбудили у меня желание ехать в Китай на проповедь Евангелия; в Академии чтение путешествия Головнина пробудило забытое желание —

но уже в направлении к Японии; чтение критики из “Обломова” возбудило решение жизненного вопроса: служить Богу или миру? Причем твердым ответом поставлено было первое». Как видим, после первого семинарского «вдохновения» на решительный выбор дальнейшего пути архиепископа Николая подвигли, по его собственному признанию, вначале чтение книги Василия Михайловича Головнина «Записки флота капитана Головнина оключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением Замечаний его о Японском Государстве и народе». Затем большое значение имело знакомство с «критикой из “Обломова”». И уже после этого было приглашение на должность священника в консульство в Японии.

Несколько иной порядок «созревания» у будущего владыки Николая мысли о проповеди Евангелия в Японии приводил в своем «дневнике миссионера» помощник святого архимандрит Андроник (Никольский). В октябрьском номере журнала «Православный собеседник» за 1900 год была опубликована статья «Воспоминания преосвященного Николая, миссионера Японского (из дневника архимандрита Андроника)». Здесь отец Андроник приводит слова самого владыки Николая о том, что после семинарского «вдохновения» уже в академии забытая мысль о миссионерстве в восточных странах была возобновлена сначала чтением «Обломова» (а не «критики» из него, как в воспоминаниях выше). Затем «третий толчок к одному и тому же был много спустя: лежал я в больнице и читал в “Русском вестнике” разбор книги Головнина об Японии. Вот тогда-то я уже яснее задал себе вопрос: попасть бы туда как-нибудь?!».

Приоритетной мы должны считать версию, записанную самим преосвященным Николаем в своих дневниках, о том, что вначале он познакомился с книгой Головнина, а затем с «критикой из “Обломова”». В то же время воспоминания, которые приводит архимандрит Андроник,

изобилуют подробностями. Запись же в дневниках святого явно схематична, сделанная им поздно вечером спустя почти что 50 лет после описываемых событий. Поэтому не исключено, что в ней могут быть спутаны некоторые детали.

Так что же все-таки настолько сильно подействовало на мировоззрение и сердце Ивана Касаткина — описание путешествия В. М. Головнина и критика «Обломова» или же сам роман Ивана Александровича Гончарова и «разбор» книги Головнина? Для того чтобы окончательно восстановить последовательность событий и факты, начнем с деталей. Согласно воспоминаниям, которые записал архимандрит Андроник, Иван Касаткин в больнице читал «разбор книги Головнина» в «Русском вестнике». Этот журнал, с перерывами, издавался начиная с 1808 года. Однако лишь с приходом в него Михаила Никифоровича Каткова в 1856 году он стал действительно одним из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов России. Среди статей за период с 1856 по 1860 год, когда Иван Касаткин мог читать журнал, обучаясь в Санкт-Петербургской академии, статьи, посвященной «разбору» книги В. М. Головнина, найти не удалось. Более того, как отмечают исследователи, «Василию Михайловичу, что называется, не повезло: литературоведы, даже авторы узкоспециальных работ, замалчивают Головнина». В то же время именно в двадцать пятом томе журнала «Русский вестник», в первой книжке за февраль 1860 года, помещена статья известного критика середины XIX века Николая Дмитриевича Ахшарумова «Обломов». Роман И. А. Гончарова. 1859». К. Накамура высказывает предположение, что «критика из “Обломова”», которую читал И. Касаткин, — это статья Добролюбова «Что такое обломовщина?», напечатанная в 1859 году в журнале «Современник». Скорее всего, будущий святой был знаком с известной в то время публикацией Добролюбова, однако в том, что именно статья Ахшарумова так впечатлила и повлияла на мировоззрение

будущего просветителя Японии, кроме соответствия событийных деталей, убеждает знакомство с ее содержанием. Подробные обоснования данной мысли мы предложим ниже, здесь же только отметим, что в воспоминаниях, которые приводил архимандрит Андроник, равноапостольный Николай так описывал влияние прочитанного: «...у меня клубом роились мысли о том, что мы все русские весьма склонны к этой обломовщине и в обыкновенной жизни из нее как будто уже и не выберешься, — так она и насыдет на тебя. Поэтому что-нибудь одно: или исполнение идеала высоты, вообще всего, что для меня представляется высоким, и в таком случае порвать всякие связи с сутолокою и бессодержательностью семейной жизни; или, напротив, — идти обыною колеей семейной жизни, и тогда, конечно, придется позабыть всякие идеалы». Критик же в начале указанной статьи писал: «“Что такое обломовщина?” — можно было спросить еще несколько месяцев тому назад; теперь уже никто не сделает подобного вопроса; теперь всем известно, что это древнейшая черта нашего народного характера». В дальнейшем мы еще скажем о том громадном идейном влиянии, которое имела публикация Н. Д. Ахшарумова на молодого Ивана Касаткина.

Из описанного выше можем заключить, что равноапостольный Николай, будучи от природы живым и впечатлительным, впервые загорелся мыслью о миссионерском служении в далеких странах еще в семинарии. Однако это, судя по всему, было именно впечатление, юношеский порыв, настолько же размытый и оторванный от реальности, насколько и далекий от решительности. Далее уже в академии, под впечатлением рассказов В. М. Головнина о его приключениях в Японии, в душе Ивана Касаткина зарождается более осмысленное желание отправиться в Страну восходящего солнца. Однако желание это еще не было подкреплено достаточной силой убеждения, силой сформировавшегося целостного мировоззрения, которое способно соединить

ОГЛАВЛЕНИЕ		Строгий блюститель порядка 176
Предисловие	3	Глава 5. ИСПЫТАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ		Сложный рубеж веков 181
Детство и начало духовного образования	7	Буря войны
Учеба в Санкт-Петербургской духовной академии	11	Закат жизни
Призвание на миссионерское служение	17	Трудный путь к святости
Истоки мировоззрения	30	Глава 6. ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В ОСМЫСЛЕНИИ СВЯТОГО
Глава 2. ТРУДНОЕ НАЧАЛО		Церковь в государстве и обществе
Уснувшая «невеста»	49	Оценка равноапостольным Николаем Синодальной реформы
Первые шаги	56	Либеральный консерватизм святого
Знаменательная встреча	66	Отношение к монархии
Рождение Японской Церкви	71	Отношение к интеллигенции
Глава 3. НАЧАЛЬНИК РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ		Революция и революционеры
Первая поездка в Россию	79	Дальневосточный вопрос и цели общественного развития
Разочарования и вдохновение	81	Заключение
Переезд в Токио и новые гонения	89	Приложение. Выдержки из дневников равноапостольного Николая Японского
Православные самураи	93	Источники и литература
Первые священнослужители	99	
Новые горизонты и прощание с родиной	106	
Глава 4. В ТРУДАХ АПОСТОЛЬСКИХ		
Возвращение в Японию и новые испытания	117	
Уклад Миссии	127	
Японская Церковь	139	
Переводческая деятельность	146	
Школы равноапостольного Николая	151	
Основатель православной культуры Японии	162	
Взаимоотношения с инославными проповедниками	172	

*Духовно-просветительская
православная литература*

Священник Роман Савчук

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ
НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ
Жизнь и труды

Главный редактор
*епископ Балашихинский и Орехово-Зуевский
Николай*

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *Н. Мамлина*

Дизайн *С. Хидоятов*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректор *Г. Абудеева*

Верстка *М. Алимшиев*

Фотоматериалы предоставлены архивом
Издательского совета Русской Православной Церкви,
пресс-службой Патриарха Московского и всея Руси,
а также священнослужителями и мирянами
Японской Автономной Православной Церкви.

Подписано в печать 03.06.2022.

Формат 60×84/16. Объем 19,0 печ. л.

Печать офсетная. Тираж 1 000 экз. Заказ №3095-2022

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви

119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Оптовый отдел реализации:

+7 (499) 246-52-08, +7 (495) 181-92-92, доб. 22-70, 22-50, 23-37

Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35

E-mail: books@rop.ru, <http://www.rop.ru>